

Рец. на кн.: NELYA KOTEYKO. LANGUAGE AND POLITICS
IN POST-SOVIET RUSSIA: A CORPUS ASSISTED APPROACH.
Basingstoke, Hants.; N.Y.: Palgrave Macmillan UK, 2014. XI+191 p.

Дмитрий Михайлович Колядов

Европейский университет в Санкт-Петербурге
3 Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
dkoliadov@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я: В рецензируемой книге представлено исследование политического дискурса в современной России. Материалами послужили тексты газет, журналов и президентских выступлений, охватывающие период с 1996 по 2007 г. Исследование построено на сочетании корпусного анализа и критического анализа дискурса. В работе проводится сравнительный анализ использования заимствованных слов, связанных со сферой экономики (*бизнес, приватизация, дефолт* и др.), а также метафор в доминирующем и оппозиционном сегментах российского политического дискурса. Внимание автора привлекают как синхронные различия между названными сегментами, так и их диахронические изменения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: критический анализ дискурса, корпусная лингвистика, заимствования, политический дискурс в современной России.

Д л я с с ы л о к: Колядов Д. Рец. на кн.: Nelya Koteyko. Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus Assisted Approach. Basingstoke, Hants.; N.Y.: Palgrave Macmillan UK, 2014. XI+191 p. // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 146–165.

U R L: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/kolyadov/

**A Review of NELYA KOTEYKO, LANGUAGE AND POLITICS
IN POST-SOVIET RUSSIA: A CORPUS ASSISTED APPROACH.
Basingstoke, Hants.; New York: Palgrave Macmillan UK, 2014, XI+191 pp.**

Dmitry Kolyadov

European University at St Petersburg
3 Gagarynskaya Str., St Petersburg, Russia
dkoliadov@eu.spb.ru

Abstract: The book under review explores political discourse in contemporary Russia. The study is based on texts of Russian newspapers, magazines, and presidential speeches. These data encompass the period from 1996 until 2007. The study combines methods of corpus linguistics and critical discourse analysis. It focuses on the comparative analysis of loanwords relating to the economy (such as *business, privatisation, default*, etc.) and metaphors in two domains of political discourse, labelled as mainstream and oppositional. The author's attention is attracted to both synchronic differences between these domains and their diachronic changes.

Keywords: critical discourse analysis, corpus linguistics, loanwords, metaphors, political discourse in contemporary Russia.

To cite this article: Kolyadov D., 'A Review of Nelya Koteyko, Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus Assisted Approach. Basingstoke, Hants.; New York: Palgrave Macmillan UK, 2014, XI+191 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 33, pp. 146–165.

U R L: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/kolyadov/

Рец. на кн.: **Nelya Koteyko**. *Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus Assisted Approach*. Basingstoke, Hants.; N.Y.: Palgrave Macmillan UK, 2014. XI+191 p.

В рецензируемой книге представлено исследование политического дискурса в современной России. Материалами послужили тексты газет, журналов и президентских выступлений, охватывающие период с 1996 по 2007 г. Исследование построено на сочетании корпусного анализа и критического анализа дискурса. В работе проводится сравнительный анализ использования заимствованных слов, связанных со сферой экономики (*бизнес, приватизация, дефолт* и др.), а также метафор в доминирующем и оппозиционном сегментах российского политического дискурса. Внимание автора привлекают как синхронные различия между названными сегментами, так и их диахронические изменения.

Ключевые слова: критический анализ дискурса, корпусная лингвистика, заимствования, политический дискурс в современной России.

Книга Нели Котейко, преподавателя прикладной лингвистики Лондонского университета королевы Марии (Queen Mary University of London), посвящена анализу политического дискурса в России, точнее говоря — заимствований, относящихся к экономической сфере (*бизнес, приватизация, дефолт* и пр.), и метафор на материале корпуса текстов прессы и политических речей 1996–2007 гг.

Книга состоит из восьми глав. Во вводной первой главе (Р. 1–12) автор приводит характеристику основных тем, которые затрагиваются в книге (применение корпусной лингвистики к анализу дискурса, политический дискурс и его связь с российским политическим контекстом, история российских СМИ в постсоветский период), и описывает структуру книги.

Во второй главе “Perspectives on Corpus-Assisted Discourse Analysis” (Р. 13–30) обсуждаются теоретические основания представленного исследования, в том числе исторический подход к дискурсу (*discourse historical approach, ДНА*). Центральными для данного подхода являются, во-первых, контекст употребления тех или иных слов и выражений (как непосредственный словесный контекст и ссылки на другие тексты в пределах данного дискурса или другие

дискурсы, так и социальные, институциональные, политические и исторические обстоятельства, в которых производится данный дискурс) и, во-вторых, дискурсивные стратегии легитимизации (позитивного представления себя, своей позиции, своих сторонников и т.п.) и делегитимизации (представления противников в негативном свете) (Р. 18–19).

Неля Котейко пишет, что критические исследования дискурса (к которым относится и исторический подход к дискурсу) нередко сами оказываются объектом критики за несистематичность применяемых процедур сбора и анализа материалов, предвзятость исследователей при отборе и интерпретации, малое количество данных и их нерепрезентативность. Избежать этих недостатков, а также достичь более глубокого понимания изучаемых явлений (а именно установить, насколько распространены модели, выявленные в ходе критического анализа дискурса, и можно ли, таким образом, рассматривать их как образцы доминирующего дискурса), по мнению автора, помогает корпусное исследование (Р. 19–20).

В то же время автор отмечает, что в существующих корпусных исследованиях дискурса, как правило, описывается тот или иной синхронный срез. При этом за рамками внимания остаются изменения дискурса с течением времени (например то, как меняется значение определенных слов и выражений). Кроме того, чтобы уловить оттенок значения слова в каждом конкретном случае употребления, может потребоваться анализ всего текста (а не только примыкающих слов) или выход за его пределы — к другим текстам или социально-историческим обстоятельствам. В этом смысле и корпусный подход в его традиционном виде оказывается недостаточным. Поэтому необходимо соединение корпусного подхода и качественного анализа дискурса, которые бы дополняли друг друга. Если первый позволяет установить паттерны в текстах корпуса, то второй дает возможность интерпретировать эти паттерны, привлекая более широкий контекст.

В этой же главе вводятся некоторые понятия, используемые в работе, в частности понятия *дискурса*, *интертекстуальности* и *парафразы*. Дискурс определяется как «собрание текстов, связанных между собой тематически, произведенных и интерпретирующихся в определенных социальных и пространственных границах¹» (Р. 22). Понятие *интертекстуальности* «в самом узком смысле» используется в рецензируемой работе «для обозначения специфической формы взаимных отсылок (*inter-reference*) между текстами» (Р. 5). Слова и выражения в кон-

¹ Здесь и далее перевод мой.

кретном тексте автор рассматривает как отсылающие к предыдущему тексту или текстам — как цитаты или парафразы определенных формулировок, идей, представлений (Р. 28). Наконец, *парафразы*, со ссылкой на Тойберта [Teubert 1999], определяются как «металингвистические формулировки», которые служат для объяснения, экспликации или переопределения, а также все прочие способы отсылки к сказанному ранее» (Р. 24). Неля Котейко предлагает различать парафразы согласия и несогласия. Первые являются парафразами слов и выражений из текстов собственного дискурсивного сообщения, которые привлекает пишущий. Во втором случае, как правило, парафразируются слова и выражения из дискурса оппонентов (Р. 24).

В третьей главе “Sociolinguistic Patterns and Discourse Stages in Post-Soviet Russia” (Р. 31–47) автор, основываясь на работах предшественников, дает характеристику социолингвистической ситуации в постсоветской России. Речь в этой части книги идет о языковых изменениях, связанных с социальными изменениями 1990-х гг. В частности, Котейко отмечает, что маргинальная с точки зрения официального советского дискурса лексика (например, слова, обозначающие религиозные понятия, заимствования, криминальный жаргон) переместилась в центр дискурса, а слова, прежде находившиеся в центре, оказались маргинализованы.

Объектом исследования автора становятся заимствования, обозначающие понятия из сферы бизнеса и экономики. В контексте социально-политических изменений 1990-х гг. эти слова, как пишет Котейко, не просто называют новые реалии. Они становятся ключевыми в том смысле, в каком понятие ключевых слов употреблял Рэймонд Уильямс [Williams 1983], т.е. словами, которые характеризуют данную культуру и вокруг которых происходят идеологические столкновения, борьба за их определение. Изучение прагматических и стилистических функций заимствований позволяет понять, каким образом они используются в политической полемике для оправдания существующего положения вещей, подчеркивания или затушевывания политической позиции (Р. 35). Для анализа названных функций автор предлагает использовать понятия *коннотации* (поскольку ее интересует оценочное значение изучаемых слов и выражений) и *метафоры* (из-за эмоциональной заряженности метафор и их особой роли в риторических стратегиях легитимизации и делегитимизации).

В заключительной части третьей главы Котейко предлагает периодизацию изменений политического дискурса в постсоветской России. Используя понятия доксы, ортодоксии и гетеро-

доксии¹, введенные Пьером Бурдые, она выделяет три временных периода: 1991–1996 гг., 1996–1999 гг. и 2000–2007 гг. Каждому из этих периодов соответствует определенная дискурсивная стадия. Первый период (1991–1996) определяется как время «еретического разрыва» с советской коммунистической доксой. Характерной чертой данного периода Котейко называет возрождение дискурсивных практик, которые подавлялись и маргинализировались в советское время: широкое использование табуированной лексики и жаргонов различных субкультур, распространение иронии, а также замена русских слов заимствованными (Р. 43). Второй период (1996–1999) являлся, по мнению автора, временем становления «еретических дискурсов», которые «можно было бы проследить в различных медиа, документах и неформальных разговорах конца 1990-х гг.» (Р. 43–44). Важнейшей отличительной особенностью этого периода Котейко называет использование криминального жаргона и метафоры преступления в политическом дискурсе и за его пределами (Р. 44). Кроме того, по словам автора, в это время заимствования, проникшие в русский язык в первой половине 1990-х гг., начинают интегрироваться в него. В качестве доказательства этого тезиса она приводит данные по частоте употреблений некоторых заимствований (*бизнесмен*, *офис*) в номерах газеты «Московский Комсомолец» за ноябрь 1999 г. Слово *бизнес* появляется в этих номерах 23 раза, *бизнесмен* — 15, *менеджер* — 21 и т.д. Еще одним свидетельством интеграции заимствований, на взгляд Нели Котейко, является появление в текстах второй половины 1990-х гг. производных слов (*приватизационный*, *ваучерный*). Наконец, автор указывает, что в это время заимствованные слова приобрели новые значения, которых они не имели в языке-источнике (Р. 45). Третий период (2000–2007) метафорически назван временем «укрощения еретического» (“harnessing heretic”). В этот период происходит восстановление прежней доксы, которое автор связывает со вступлением на пост нового президента (Р. 46). Она отмечает, что последовавшее укрепление государственной власти коснулось и языковой политики: использование иностранных слов с 2005 г. стало регулироваться федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации», а в СМИ появились материалы и даже целые передачи, посвященные тому, как правильно говорить по-русски. Эти обстоятельства, по мнению автора, являются показателем установления ортодоксии. Проявление тенденций к этому Котейко видит также в использовании президентом метафор,

¹ Докса в рецензируемой работе определяется как основополагающие, нерелексируемые пресуппозиции относительно мира. Ортодоксией называются попытки вернуться к прежним нерелексируемым пресуппозициям, а гетеродоксией — попытки оспорить их (Р. 41).

вызывающих в памяти аудитории образы советского прошлого (Р. 47) (их автор анализирует в седьмой главе).

В четвертой главе “Compilation of Specialised Corpora” (Р. 48–64) описываются изучаемые корпуса текстов, принципы их составления и анализа. Основой представленного в книге исследования стали три корпуса:

- корпус российской прессы, куда вошли тексты 1997–2003 гг.;
- корпус патриотической оппозиционной прессы, составленный из текстов 1996–2003 гг.;
- корпус речей президента за 2000–2007 гг.

Корпус российской прессы (далее КРП) был составлен из оцифрованных текстов федеральных газет, популярных журналов и изданий, посвященных бизнесу и экономике, и позже дополнен текстами журнала «Огонек» за 1997–2003 гг. Во второй корпус, охарактеризованный автором как «оппозиционно-патриотический», вошли тексты газет «Советская Россия», «Завтра», а также изданий, ссылки на которые были представлены на сайте газеты «Завтра». Третий корпус состоит из речей президента, произнесенных на различных конференциях, церемониях открытия и награждения, встречах, инаугурациях (их тексты были взяты с официального сайта Президента РФ <<http://kremlin.ru>>).

Пятая глава “Diachronic Analysis of Quantitative Trends” (Р. 65–92) посвящена корпусному анализу ближайших словесных контекстов, в которых слова *бизнес*, *бизнесмен*, *приватизация*, *приватизационный*, *менеджер*, *дефолт*, *ваучер* встречаются в корпусе патриотической оппозиционной прессы (далее КПОП) и в КРП¹. Для этих слов были составлены конкордансы, а затем на их основании произведен анализ коннотаций.

Анализ показал, что в целом в КРП указанные слова употребляются безоценочно, как технические термины, тогда как в КПОП эти слова приобретают негативные оттенки значения. Эти оттенки появляются благодаря непосредственно примыкающим словам (*грабительская приватизация*, *бизнес грабит*), но могут возникать и под действием более широкого контекста. Так, словосочетания *крупный бизнес* или *большой бизнес*, кажущиеся сами по себе нейтральными, в КПОП употребляются в контекстах, где речь идет о незаконном зарабатывании денег или влиянии на экономику или политику в стране (Р. 77). Еще один подобный пример действия более широкого контек-

¹ Речь, впрочем, по большей части идет о КПОП, что, как поясняет автор, обусловлено соображениями экономии места.

ста на семантику слова — употребление словосочетаний типа *эффективный / талантливый / главный менеджер*.

Наиболее распространенными контекстами, в которых употребляются заимствования в КПОП, оказались политика (*власть, армия, чиновник*), криминальная сфера / незаконные действия (*коррупция, грабеж, преступный*) и бизнес (*фирма, предприниматель, прибыль*) (Р. 73).

Автор разделяет употребления анализируемых слов в КПОП на номинативные и предикативные стратегии. Под первыми имеется в виду использование негативно окрашенных ярлыков для номинации оппонентов. При этом, по словам автора, тут видны как современные тенденции (использование криминального жаргона), так и связь с советскими газетами 1920-х гг. (последняя, по мнению автора, выражается в использовании эпитетов и номинаций типа *гнусный, фашистский, грабитель* и т.п., Р. 88). Предикативные стратегии предполагают приписывание оппонентам негативных действий и атрибутов (*делать бизнес на крови*) (Р. 89). Утверждается также, что использование в текстах КПОП прилагательных типа *олигархические, криминально-олигархические, ельцинские* выполняет функцию дистанцирования, указывая на то, что определяемое существительное реферирует к противникам сообщества, связанного с КПОП (Р. 89).

Стоит отметить ряд отдельных интересных наблюдений, представленных в данной главе. Одно из них касается слова *бизнес*, которое в некоторых текстах КПОП используется в качестве субъекта предиката (*бизнес грабит, бизнес подкупает*, Р. 75). Любопытно и то, что в отличие от упоминавшегося выше сочетания *большой / крупный бизнес*, сочетание *малый / мелкий / средний бизнес* имеет преимущественно безоценочный характер (Р. 76–77). Хочется также отметить наблюдение о различиях в употреблении слова *дефолт* в КПОП и КРП. Если в оппозиционном корпусе это слово нередко занимает в предложении позицию объекта и репрезентируется как намеренное и осознанное действие власти, ее институтов или отдельных представителей (*методом дефолта, организованного правительством; дефолт имени Кириенко*, Р. 84, Fig. 5.9, Р. 85), то в КРП *дефолт* выступает как субъект предиката (*дефолт наступает*, Fig. 5.10, Р. 86).

В шестой главе “Diachronic Study of Paraphrases” (Р. 93–129) представлен качественный диахронический, как называет его автор, анализ текстов КПОП. Исследовательский вопрос поставлен в начале главы: как установленные методом корпусного анализа негативные значения заимствований изменялись «в процессе диалога (negotiation) между газетными текстами» (Р. 93)? Автор исходит из того, что каждое появление некото-

рого слова или словосочетания является отсылкой к одному из предшествующих текстов. Соответственно, каждое подобное употребление может либо поддерживать принятое ранее значение (например, безоценочность, зафиксированную в предшествующем тексте), тем самым подтверждая действующую в рамках дискурса норму, либо переопределять семантику слова (например, придавать ему негативный оттенок с помощью иронического цитирования), отвергая и оспаривая значение, установленное в предшествующих текстах.

Список слов, которые анализируются в шестой главе, сокращается до трех: *бизнес*, *приватизация* и *дефолт*. Прослеживается употребление каждого из них начиная с самого раннего упоминания в корпусе вплоть до 2003 г. В главе в хронологическом порядке приводятся цитаты из отдельных текстов корпуса¹, сопровождаемые комментариями исследователя и в некоторых случаях метаданными текста (название статьи, автор, жанр).

В комментариях автор обращает внимание на сохранение или изменение оттенков значения, отмечает парафразы как средство передачи негативных оценок, обсуждает метафорические сценарии («война», «преступление», «страна как живой организм»), в которых используются анализируемые заимствования. В отдельных случаях Котейко пытается показать связи между текстами, в том числе доказать, что один из текстов корпуса является источником цитирования для последующих текстов (об этих случаях будет сказано далее).

В результате такого анализа автор приходит к выводу, что негативное значение слов *приватизация* и *дефолт* сохраняется в текстах КПОП на протяжении всего рассмотренного периода. Кроме того, она отмечает, что постепенно слово *приватизация* (а вместе с ним и однокоренные ему слова, оставшиеся за рамками непосредственного анализа в этой главе) начинают употребляться без кавычек (Р. 109). На этом основании автор делает вывод, что к 2003 г. слово *приватизация* больше не является в оппозиционном дискурсе «маркированным как взятое из другого дискурса» (Р. 110). Оно присваивается дискурсивным сообществом, сформированным вокруг КПОП, становится для него своего рода клише, которое «используется для выражения мифических концептов» (Р. 110).

Негативное значение слова *дефолт*, по мнению автора, возникает и поддерживается благодаря включению его в синонимические цепочки вместе с негативно окрашенными словами

¹ Из соображений экономии места автор приводит цитаты не из всех текстов корпуса, содержащих анализируемые слова.

(в том числе со словом *приватизация*). Это, в свою очередь, способствует тому, что слово *дефолт* в более поздних текстах используется в метафорах преступления и созидания / разрушения и обозначает спланированное правительством действие (Р. 114).

В отличие от двух других проанализированных слов, слово *бизнес* меняет свою оценочную окраску: в текстах КПОП 2003 г. оно начинает использоваться в нейтральном значении (см. анализ цитат (47) и (48), Р. 120–121). Интересно, что этому предшествовала «реабилитация» самого социального явления предпринимательства. Так, в более ранних текстах КПОП (1999 и 2001 гг.) автор отмечает попытки восстановить его «репутацию» речевыми средствами: в корпусных текстах этого периода фиксируются словосочетания *честный предприниматель* (Р. 116) и *патриотические предприниматели* (Р. 118). Показательно, однако, что в этих словосочетаниях употребляется именно слово *предприниматель*, таким образом неявно противопоставляемое слову *бизнесмен(ы)*. Все эти примеры, как пишет Неля Котейко, указывают на идеологические колебания патриотической оппозиции в соответствующий период и изменение символической границы между своими и чужими, сконструированной в предшествующих текстах (Р. 123–124).

Седьмая глава “Metaphor Use in Political Speeches” (Р. 130–147) посвящена анализу корпуса речей российского президента в период с 2000 по 2007 г. Здесь в центре внимания оказываются метафоры пути и строительства. Автор предпринимает попытку показать, как эти метафоры используются президентом для поддержки собственной позиции, действий и политических решений и для репрезентации позиции оппонентов. Котейко отмечает, что в корпусе речей президента метафора пути используется преимущественно в контексте рассуждений об экономике (63 случая), а не о политике (5 случаев). Будущее страны репрезентируется как прогресс, движение вперед (Р. 137), тогда как 1990-е гг. описываются как *трудный* и *извилистый путь* (Р. 138–139). При этом появление гражданских и политических свобод в этот период отодвигается в речах президента на задний план, в то время как трудности подчеркиваются.

Автор справедливо отмечает, что в цитируемых речах предшествующий период — 1990-е гг. — представлен негативно. Однако это негативное представление отличается от примеров КПОП, о чем в книге не говорится. Как было сказано выше, в текстах КПОП *дефолт* и *приватизация* репрезентировались как целенаправленные действия власти или ее отдельных представителей. На этом фоне показательно отсутствие агентов,

ответственных за события 1990-х гг., в следующей цитате из речи президента (см. цитату (9), Р. 138):

*Вместе с тем мы с вами хорошо знаем и помним, что страна столкнулась со сложными проблемами в сфере экономики и, по сути, **развалом** социальной системы — во всяком случае, с **развалом** старой социальной системы, на смену которой ничего **не пришло**. Все это не могло укреплять, а, наоборот, **разрушало** государственные институты¹.*

Метафора строительства возникает в речи президента в контексте рассуждений о создании сильного государства и вертикали власти в противопоставление предшествующему периоду, который описывается в терминах перестройки, ломки, развала (Р. 145). В метафорах строительства сильного государства и пути к лучшему будущему, а также в положительной характеристике состояния стабильности (в противоположность переменам 1990-х гг.) автор усматривает легитимацию советского прошлого. Еще один вывод состоит в том, что метафоры пути и особенно строительства позволяют президенту создавать собственный мифологизированный образ активного деятеля (dynamic agent), которому подвластны созидательные и разрушительные силы (Р. 145). Кроме того, анализ метафор в корпусе, по словам автора, указывает на высокий уровень интертекстуальности и интердискурсивности. Наиболее важной, по мнению Котейко, является в этом отношении метафора «уникального русского пути», встречающаяся в речах президента и связывающая их и с советским, и с дореволюционным политическим дискурсом (Р. 145–146).

В заключительной восьмой главе “Concluding Thoughts” (Р. 148–156) представлены общие выводы, касающиеся методологии исследования и его результатов, а также обозначены возможные дальнейшие направления работы.

На мой взгляд, наиболее удачным в рецензируемой книге является количественный анализ, представленный в пятой главе. Обращение к текстам СМИ в исследованиях политического дискурса вполне традиционно, однако систематическое изучение контекстов употребления на большом объеме материала выделяет данное исследование на фоне российских работ на эту тему. Еще одно достоинство работы состоит в том, что автор локализует изучаемые явления в идеологическом пространстве, пусть и в самых общих терминах доминирующего дискурса и дискурса патриотической оппозиции, а не пишет о политическом дискурсе вообще. Удачным кажется выбор

¹ Все слова выделены автором рецензируемой книги; пунктуация оригинала сохранена.

в качестве объекта анализа слов, появившихся (или заново вошедших в широкое употребление) в 1990-х гг. для обозначения новых социально-экономических явлений. Все это позволило получить интересные результаты (некоторые из них были упомянуты выше). Произведенный автором анализ служит прекрасной иллюстрацией тезиса о том, что словарное значение конкретного слова может оказаться абстракцией, которая обязательно учитывается в реальном употреблении [Bourdieu 1992: 39], или даже попыткой представить в качестве нейтрального, «естественного» толкование, которое на самом деле является результатом предшествующей идеологической борьбы и закрепляет точку зрения господствующего в обществе класса [Fairclough 1989: 94–95].

Нужно, однако, отметить, что в отличие от количественного качественное исследование, представленное в шестой и седьмой главах, вызывает ряд вопросов и замечаний. Прежде всего они связаны с введением в рецензируемую книгу седьмой главы, посвященной анализу президентских выступлений. Текст ее является репринтом (с минимальными изменениями) статьи [Koteyko, Ryazanova-Clarke 2009] (это обстоятельство упоминается после предисловия, Р. XI). Как мне кажется, включение данной статьи в книгу требует специального комментария. Не вызывает возражений изучение политического дискурса на материалах газетных текстов. Можно допустить и то, что речи политических лидеров представляются особенно показательными и заслуживают специального изучения. Однако непонятно, почему именно эти два корпуса были выбраны для анализа постсоветского политического дискурса и как они соотносятся между собой. Почему, например, речи действующего президента не сравниваются с публичными выступлениями оппозиционных лидеров или президентскими выступлениями 1990-х и 2000-х гг.? Означает ли этот выбор, что именно речи президента и статьи из оппозиционных газет, взятые вместе, репрезентируют весь политический дискурс в постсоветской России адекватнее, чем другие тексты? К сожалению, обоснования этого сопоставления в книге нет.

Между тем если сопоставление КПОП, т.е. корпуса оппозиционной прессы, с корпусом газет и журналов, которые, по мысли автора, воспроизводят доминирующий дискурс, выглядит вполне правомерно, то сопоставление КПОП с корпусом президентских речей по ряду причин не кажется логичным и обоснованным. Во-первых, не совпадают хронологические рамки двух корпусов (границы КПОП — 1996–2003 гг., границы президентского корпуса — 2000–2007 гг.). Во-вторых, они отличаются по жанру текстов: КПОП состоит из газетных статей (среды которых, впрочем, есть по крайней мере один текст публич-

ного выступления), президентский корпус — из публичных речей. Эти различия никак не оговариваются и их влияние на словоупотребление не анализируется, хотя в книге подчеркивается необходимость учета контекста, в том числе и жанрового. В-третьих, на материале корпусов анализируются разные явления: заимствования на материале оппозиционного корпуса, метафоры — на материале президентского. И если в пятой и шестой главах, где обсуждается КПОП, речь о метафорах периодически заходит, то о заимствованиях в президентском корпусе не сказано ни слова. При этом автор книги не делает попыток сравнить метафоры в корпусах. Так, в приведенных примерах из КПОП метафоры пути и строительства отсутствуют. Означает ли это, что данные метафоры нехарактерны для этого корпуса? Если да, то связано ли это с идеологическими различиями? Или, может быть, с жанровыми? И наоборот, встречаются ли метафоры преступления и войны, характерные для КПОП, в речах президента и если да, то насколько они распространены? Наблюдаются ли какие-то изменения в использовании метафор со временем? К сожалению, подобные вопросы в книге не ставятся. Пожалуй, единственной попыткой сопоставления можно считать вывод о том, что в обоих корпусах, хоть и различными способами, легитимируется советское прошлое (Р. 154).

Еще одно замечание касается использования терминов и понятий. Как мне кажется, автор не всегда четко определяет их и разграничивает. Так происходит, например, с понятиями *коннотация* и *деонтическое значение*. Во второй главе Котейко приводит несколько определений *коннотации* и отмечает, что между ними есть принципиальные различия (Р. 36). После этого она неожиданно вводит понятие *деонтического значения* (Р. 37–38), а в заключении соответствующего раздела добавляет к ним еще и понятие *идеологемы* (Р. 38). Исходя из контекста можно предположить, что автор прибегает к понятию *деонтического значения*, стремясь подчеркнуть, что оценочное значение в анализируемых словах принадлежит группе (а не является индивидуальным или закрепленным в словаре). Но при этом ничего не говорится о том, как между собой соотносятся понятия *коннотация* и *деонтическое значение*, хотя в дальнейшем используется и то и другое. Не сообщает автор и о том, в каком же из приведенных значений употребляется термин *коннотация* в тексте.

Трудно уловить различия и между понятиями *доксы* и *ортодоксии*, которые, в соответствии с идеями Бурдьё, из чьих работ они были взяты, вводятся как обозначающие разные явления (нерефлексируемые предпосылки по поводу окружающего мира и сознательные попытки вернуться к прежде не подвергавшимся сомнению предпосылкам соответственно), но в даль-

нейшем в книге употребляются как взаимозаменяемые. Так, сначала автор утверждает, что советский политический дискурс «для русского народа был единообразным, самоочевидным и легитимным явлением, не вызывавшим вопросов, т.е. являлся *доксой* в терминологии Бурдые» (Р. 42). Но уже в следующем предложении говорится о практиках, «маргинализированных во время *ортодоксии* коммунистического режима» (Р. 42–43; курсив мой).

Нужно также отметить, что некоторые термины и понятия, взятые из работ других авторов, употребляются не в том смысле, в каком они употреблялись в исходных текстах. Так, например, происходит с понятием *дискурсивного сообщества*, которое достаточно часто встречается на страницах книги. На с. 52 автор пишет, что использует данное понятие вслед за Джоном Суэйлсом [Swales 1990]. Далее на той же странице говорится, что «[к]ажное дискурсивное сообщество сформировано вокруг общих тем, численность его членов ограничена, и оно разрабатывает собственные способы коммуникации и интертекстуальных отсылок между своими членами» (Р. 52). Эти характеристики, однако, не вполне совпадают с предложенными Суэйлсом шестью критериями, позволяющими считать данную группу дискурсивным сообществом [Ibid.: 29–31].

Не вполне ясно и то, какие именно группы имеет в виду под дискурсивным сообществом Неля Котейко. Если исходить из критериев Суэйлса, дискурсивным сообществом можно было бы назвать тех, кто производит анализируемые тексты, т.е. сотрудников газет (для корпусов прессы) и спичрайтеров (в случае президентского корпуса). Однако судя по тексту книги, автор все же имеет в виду не производителей текстов, а приверженцев политической идеологии. Проблема в том, что такого рода группы, по мысли Суэйлса, как раз не являются дискурсивными сообществами: наличие разделяемых целей и общих интересов он называет необходимым, но недостаточным условием [Swales 1988: 213]¹. В соответствии с его концепцией, дискурсивное сообщество конституировано главным образом конкретной практикой — регулярной коммуникацией между его членами, устной или письменной (при этом она не является односторонней, как в случае с производством текстов в СМИ). Однако ни о каких совместных коммуникативных практиках в рецензируемой работе не говорится².

¹ Там же Суэйлс называет в качестве примера группы, не являющейся дискурсивным сообществом, приверженцев политических партий.

² В качестве исключения можно назвать письма читателей и ответные статьи на предыдущие публикации (такие примеры упоминаются в книге). Я, однако, не уверен в том, что эти случаи можно считать регулярной коммуникацией.

Судя по тексту книги, автор постулирует существование двух дискурсивных сообществ: одно группируется вокруг доминирующего дискурса (представленного корпусом российской прессы), другое — вокруг оппозиционного (представленного корпусом оппозиционной прессы). В связи с этим неясно, какое место занимает корпус президентских речей¹. Предполагается ли, что вокруг данного дискурса также образуется сообщество? Или подразумевается, что это то же самое сообщество, которое группируется вокруг корпуса российской прессы? Или оно включает в себя последнее наряду с какими-то другими? Может быть, оно включает в себя также и сообщество, группирующееся вокруг КПОП?

Недостаточно четко в книге определено понятие *ключевые слова*, несмотря на то что оно является одним из центральных (слова *бизнес*, *приватизация*, *менеджер* и др. автор называет *ключевыми*). Как можно заключить из текста, автор присоединяется к трактовке Рэймонда Уильямса, говоря об анализируемых словах как о таких, вокруг которых происходит идеологическая борьба и в которых воплощается история (Р. 35). При этом в примечании 3 ко второй главе (Р. 163) автор ссылается на различные исследования, посвященные ключевым словам, и ставит в один ряд с Уильямсом Анну Вежбицкую. Такое сопоставление вряд ли можно считать корректным. Оба исследователя называют ключевые слова принципиально важными для понимания конкретной культуры, но при этом они имеют в виду совсем разные явления — достаточно сравнить словарь Уильямса [Williams 1983] со словами, которые анализирует Вежбицкая [Wierzbicka 1997], чтобы в этом убедиться: статей о словах *дружба* или *свобода* в словаре Уильямса мы не найдем (как не найдем у Вежбицкой слов *буржуазия*, *капитализм*, *бюрократия*).

Не слишком удачным кажется применение понятия интертекстуальности к КПОП в тех случаях, когда употребление слов *бизнес*, *приватизация* и *дефолт* интерпретируется как повторение предыдущих текстов, входящих в этот корпус. Нельзя исключить того, что авторы более поздних статей действительно употребляют эти слова с учетом более ранних текстов. Но постулирование таких связей, на мой взгляд, не дает ничего нового для понимания анализируемых текстов. Во всяком случае, наличие негативных оттенков значения в том или ином тексте вполне убедительно выявляется в пятой главе с помощью корпусного анализа, не выходящего за пределы отдельного текста.

¹ Характерно, что в седьмой главе, посвященной анализу речей президента, понятие дискурсивного сообщества не встречается ни разу.

Кроме того, если в целом можно согласиться с тем, что негативные коннотации слов *бизнес*, *приватизация* и *дефолт* указывают на связь с предшествующими текстами оппозиционного корпуса, то попытки различить конкретные «голоса» трудно считать убедительными. Это хорошо видно на примере попытки представить текст Геннадия Зюганова¹, опубликованный 27 октября 1998 г., как источник последующих цитирований в КПОП. Речь, в частности, идет о словах *воровская приватизация* в следующей цитате из выступления Зюганова:

Мы считаем, что прокуратура должна расследовать все это, и начинать с Чубайса, с его воровской приватизации, иначе конца и края этому никогда не будет.

Выделенное в этом высказывании словосочетание встречается в последующих текстах корпуса еще семь раз, хотя и без упоминания имени Зюганова. На основании того, что последний является партийным лидером, автор делает вывод, что словосочетание *воровская приватизация* представители патриотической оппозиции повторяют вслед за ним (Р. 102, ср. также Р. 128). Между тем в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) есть ссылка на интервью с Юрием Лужковым, вышедшее раньше выступления лидера коммунистов, где тоже встречается словосочетание *воровская приватизация*:

*И пусть никого не вводит в заблуждение то, что по целому ряду вопросов моя точка зрения совпадает с позицией коммунистов. Если мы одинаково оцениваем результаты бездарной, воровской приватизации, что же мне теперь — менять свою позицию и славить Чубайса?*²

Вполне возможно, что словосочетание *воровская приватизация* было заимствовано Лужковым из предшествующих текстов коммунистической оппозиции³. Но в любом случае это означает, что данное словосочетание употреблялось и до указанного выступления Зюганова. Поэтому нельзя исключить, что более поздние вхождения словосочетания *воровская приватизация* в КПОП являются цитатами из какого-то другого источника, а не из выступления Зюганова или его публикации в прессе.

¹ Данный текст представляет собой фрагмент стенограммы выступления Зюганова на Генеральном совете Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) 22 октября 1998 г.

² Пример цитируется по НКРЯ: <http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&myse nt=&mysize=&mysize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C8%20%EF%F3%F1%F2%FC%20%ED%E8%EA%EE%E3%EE%20%ED%E5%20%E2%E2%EE%E4%E8%F2%20%E2%20%E7%E0%E1%EB%F3%E6%E4%E5%ED%E8%E5%20&docid=42405&sid=50>.

³ К такому предположению подталкивает контекст, в котором Лужков употребляет данное словосочетание.

Другой пример не слишком убедительных результатов установления источника — приписывание авторства выражения *народный капитализм* (оно используется в кавычках в одном из текстов КПОП, Р. 98) Борису Немцову (Р. 165). Несомненно, что в приведенной цитате из КПОП кавычки указывают на то, что словосочетание *народный капитализм* используется как чужое, принадлежащее оппонентам коммунистов. Однако, на мой взгляд, нет достаточных оснований, чтобы считать его цитатой именно из Немцова (ср. цитату из статьи врача Святослава Федорова, опубликованной в августе 1994 г. [Федоров 2012]), не говоря уже о том, что выражение это встречается задолго до начала 1990-х гг.¹

Серьезным ограничением на предположения об интертекстуальных связях является, на мой взгляд, то обстоятельство, что в КПОП не входят тексты, созданные до 1996 г. Поэтому, строго говоря, рассуждать о связях между текстами корпуса корректно было бы лишь относительно слова *дефолт*. Слова *приватизация* и *бизнес* широко употреблялись и до 1996 г., что хорошо видно из НКРЯ, поэтому вполне можно было бы рассматривать их как отсылающие не к тем текстам из КПОП, в которых они появляются впервые, но к более ранним текстам, в корпус не вошедшим.

Стоит отметить и то, что исходя из цели, поставленной в книге, — рассмотреть динамику значения изучаемых слов в диахронии — нижняя граница корпуса кажется выбранной не очень удачно (хотя понятно, что этот выбор был в большой степени обусловлен объективной причиной — доступностью оцифрованных текстов). Так, представленный в книге анализ слова *приватизация* в КПОП не выявляет каких-либо колебаний, несогласий, дискуссий по поводу значения внутри данного корпуса: на протяжении всего периода оно оказывается устойчиво негативным. Можно предположить, что какую-то динамику в значении таких слов, как *ваучер* или *приватизация* удалось бы обнаружить при обращении к текстам начала 1990-х гг.

Вызывает серьезные сомнения (даже с оговорками о приближенности и нестрогости рамок) и периодизация измене-

¹ В основном корпусе НКРЯ словосочетание *народный капитализм* зафиксировано в повести Л.А. Чарской «Золотая рота», опубликованной в 1911 г.: <http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&spd=&text=lexgramm&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&parent1=0&level1=0&lex1=%ED%E0%F0%EE%E4%ED%FB%E9&gramm1=&sem1=&sem-mod1=sem&sem-mod1=sem2&flags1=&m1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=2&lex2=%EA%E0%EF%E8%F2%E0%EB%E8%E7%EC&gramm2=&sem2=&sem-mod2=sem&sem-mod2=sem2&flags2=&m2=&docid=65560&sid=1759>. Интересно, что это словосочетание встречается и в тексте советского периода — в статье из БСЭ, посвященной *теории народного капитализма*: <<http://bse.sci-lib.com/article080138.html>>.

ний политического дискурса в 1990–2000-х гг., предложенная в третьей главе. Ее основания неясны, а аргументы в пользу выделения периодов неубедительны. Прежде всего вызывает сомнения утверждение о том, что еретический разрыв с предыдущей картиной мира происходил на протяжении пяти лет начиная с 1991 г. Если говорить о втором периоде, предложенном автором (1996–1999 гг.), то можно согласиться с тем, что в это время в публичном дискурсе широко использовались метафоры преступления и криминальный жаргон. Однако непонятно, почему нужно считать, что названные особенности характеризуют именно эти четыре года. Как кажется, подобные черты легко могут быть обнаружены и до 1996, и после 1999 г. Утверждается также, что именно в 1996–1999 гг. заимствованные слова начали интегрироваться в русский язык. На мой взгляд, на материалах автора обосновать это утверждение вряд ли возможно, поскольку тексты, созданные до 1996 г., в корпус не попали, следовательно, ничего нельзя сказать об употреблении заимствований в предыдущие годы. Если же судить по данным НКРЯ, некоторые из анализируемых в книге заимствованных слов были достаточно распространены и до 1996 г.

Наконец, не слишком убедительными кажутся предпринятые в книге попытки связать постсоветский политический дискурс с советским. Например, автор пишет, что заимствования «реконтекстуализуются в формулах советского коммунистического нарратива» (Р. 128). Однако о советском политическом дискурсе в книге сказано, как мне кажется, недостаточно для того, чтобы можно было проводить какие-то серьезные сопоставления. В одних случаях выбираются слишком неспецифичные слова (*народ* в примере (18), Р. 106) и метафоры (метафоры пути и строительства в речах президента в седьмой главе), чтобы считать их отсылками именно к советскому дискурсу. В других случаях приводимые примеры носят случайный характер. Скажем, комментируя цитату (18), Неля Котейко отмечает употребление номинализаций в ней и интерпретирует его как признак советского политического дискурса (Р. 107). На мой взгляд, одна цитата вряд ли является показательной: в таком случае можно было бы во всех номинализациях, встречающихся в корпусах, увидеть отсылки к советским текстам (номинализации там действительно встречаются, но их автор игнорирует; ср., например, приводившуюся выше цитату (9) из речи президента, Р. 138). Однако важнее то, что для выводов о связи с советским политическим дискурсом нужно было бы проанализировать, как функционируют номинализации во всем данном тексте, а не только в одном его фрагменте.

Вместе с тем нередко без внимания остаются встречающиеся в приведенных цитатах языковые особенности, близкие к особенностям, описанным в исследованиях советского политического дискурса¹: ироническое цитирование (кавычки и обороты типа *так называемый, якобы*), сочинение² (*Наступила эпоха растанания власти и бизнеса, власти и криминала*), оценочная поляризация синонимов естественного языка (*предприниматель vs. бизнесмен*), оценочные употребления собственных имен во множественном числе и производных от них слов (*Чубайсы, Немцовы и прочие; Вот это же думаю я и о сегодняшнем ельцинизме, «рынке» для березовских и ходорковских*).

Приходится отметить и то, что приводимые примеры не всегда согласуются с утверждениями автора. Так, вывод о том, что использование президентом метафор пути и строительства позволяет ему сконструировать мифическую репрезентацию себя как деятеля, который контролирует созидательные и разрушительные силы (Р. 145), по моему мнению, не следует из приведенных в главе цитат из президентского корпуса.

Подводя итоги, можно сказать, что в работе есть ряд удачных наблюдений, а благодаря корпусному анализу автору удалось прийти к интересным результатам. Вместе с тем описание исторического контекста и качественный анализ вызывают довольно много вопросов и возражений. Это касается не только отдельных интерпретаций, но и методологии исследования в целом. Поэтому приходится заключить, что основной замысел автора — дополнить корпусный анализ постсоветского политического дискурса качественным анализом с привлечением социального и исторического контекста — остался реализован не в полной мере.

Источники

Федоров С. Вижу выход // Tvernews. 2012, 10 авг. <<http://tvernews.ru/blog/2501/112518/>>.

Библиография

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении / Пер. А. Бернольд // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 34–60.

Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Беликов В.И., Муравенко Е.В., Перцов Н.В. (ред.). Знак: Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике: Памяти А.Н. Журина. М.: Рус. учеб. центр, 1994. С. 233–244.

¹ См., например: [Thom 1989; Young 1991; Эпштейн 1991; Кронгауз 1994; Сериио 1999; Вайс 2007].

² Об употреблении этого термина см.: [Степанов 1995].

- Серво П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / Пер. с фр. В.И. Селиванова // Серво П. (ред.). Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 337–383.
- Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Степанов Ю.С. (ред.). Язык и наука конца XX века: Сб. ст. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
- Энштейн М.* Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.
- Bourdieu P.* Language and Symbolic Power / Transl. by G. Raymond, M. Adamson. Cambridge: Polity Press, 1992. IX+302 p.
- Fairclough N.* Language and Power. L.; N.Y.: Longman, 1989. XII+259 p.
- Koteyko N., Ryazanova-Clarke L.* The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? // Slavonica. 2009. Vol. 15. No. 2. P. 112–127.
- Swales J.* Discourse Communities, Genres and English as an International Language // World Englishes. 1988. Vol. 7. Is. 2. P. 211–220.
- Swales J.M.* Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. XI+260 p.
- Teubert W.* Corpus Linguistics — A Partisan Review // TELRI Newsletter. 1999. Is. 8. P. 4–19
- Thom F.* Newspeak: The Language of Soviet Communism. L.; Lexington: Claridge Press, 1989. 218 p.
- Wierzbicka A.* Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. N.Y.: Oxford University Press, 1997. 328 p.
- Williams R.* Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. L.: Flamingo, 1983. 352 p.
- Young J.W.* Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville; L.: University of Virginia Press, 1991. 335 p.

Дмитрий Колядов

A Review of Nelya Koteyko, *Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus Assisted Approach*. Basingstoke, Hants.; New York: Palgrave Macmillan UK, 2014, XI+191 pp.

Dmitry Kolyadov

European University at St Petersburg
3 Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
dkoliadov@eu.spb.ru

The book under review explores political discourse in contemporary Russia. The study is based on texts of Russian newspapers, magazines, and presidential speeches. These data encompass the period from 1996 until 2007. The study combines methods of corpus linguistics and critical discourse analysis. It focuses on the comparative analysis of loanwords relating to the economy (such as *business*, *privatisation*, *default*, etc.) and metaphors in two domains of political discourse, labelled as mainstream and oppositional. The author's attention is attracted to both synchronic differences between these domains and their diachronic changes.

Keywords: critical discourse analysis, corpus linguistics, loanwords, metaphors, political discourse in contemporary Russia.

References

- Bourdieu P., *Language and Symbolic Power* / Transl. by G. Raymond, M. Adamson. Cambridge: Polity Press, 1992, IX+302 pp.
- Epstein M., 'Ideologiya i yazyk (postroenie modeli i osmyslenie diskursa)' [Ideology and Language (Construction of Model and Comprehension of Discourse)], *Voprosy yazykoznaniiya*, 1991, no. 6, pp. 19–33. (In Russian).
- Fairclough N., *Language and Power*. London; New York: Longman, 1989, XII+259 pp.
- Koteyko N., Ryazanova-Clarke L., 'The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future?', *Slavonica*, 2009, vol. 15, no. 2, pp. 112–127.
- Kronhaus M., 'Bessilie yazyka v epokhu zrelogo sotsializma' [Impotence of Language in Times of Mature Socialism], Belikov V. I., Muravenko E. V., Pertsov N. V. (eds.), *Znak* [Sign]: A Collection of Articles on Linguistics, Semiotics, and Poetics: In memory of A. N. Zhurinsky. Moscow: Russkiy uchebnyy tsentr, 1994, pp. 233–244. (In Russian).
- Sériot P., 'Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizatsiy' [Russian Language and Analysis of Soviet Political Discourse: Analysis of Nominalisations], transl. by V. I. Selivanov,

Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa [Quadrature of Sense: French School of Discourse Analysis]. Moscow: Progress, 1999, pp. 337–383. (In Russian).

- Stepanov Yu. S., ‘Alternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti’ [Alternative World, Discourse, Fact and Causality Principle], Stepanov Yu. S. (ed.), *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science of the Late 20th Century]: A Collection of Articles. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1995, pp. 35–73. (In Russian).
- Swales J., ‘Discourse Communities, Genres and English as an International Language’, *World Englishes*, 1988, vol. 7, is. 2, pp. 211–220.
- Swales J. M., *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, XI+260 pp.
- Teubert W., ‘Corpus Linguistics — A Partisan Review’, *TELRI Newsletter*, 1999, is. 8, pp. 4–19.
- Thom F., *Newspeak: The Language of Soviet Communism*. London; Lexington: Claridge Press, 1989, 218 pp.
- Weiss D., ‘Stalinist vs. Fascist Propaganda. How Much Do They Have in Common’, de Saussure L., Schulz P. J. (eds.), *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005, pp. 251–274. (Discourse Approaches to Politics, Society and Culture, Book 17).
- Wierzbicka A., *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford University Press, 1997, 328 pp.
- Williams R., *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. London: Flamingo, 1983, 352 pp.
- Young J. W., *Totalitarian Language: Orwell’s Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents*. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 1991, 335 pp.